

ПСИХОЛОГИЯ РЕЛИГИИ: АМЕРИКАНСКИЙ ОПЫТ*

© 2002 г. В. А. Соснин

Канд. психол. наук, сотрудник ИП РАН, Москва

Дан краткий анализ состояния психологии религии в американской социальной психологии. Рассмотрены концептуально-терминологические, теоретико-методологические и прикладные проблемы, в частности – принцип методологического атеизма при организации исследований, проблема дефиниции категорий “религия”, “благополучие”, функции религии в жизни личности и общества, вопросы операционализации и измерения. Обозначены основные сферы прикладных исследований и высказаны соображения о возможности использования зарубежного опыта для организации исследований психологии религии в отечественной социальной психологии.

Ключевые слова: религия, религиозные убеждения, благополучие, духовно-нравственные ориентации, социальные функции религии.

Религия как социально-культурный феномен существует в любой известной культуре и играет огромную роль в жизни ее представителей. Анализ религиозной мотивации индивидов и групп помогает глубже понять действия многих современных социально-политических движений, культовых объединений и сект. Бесчисленные примеры обращения людей к религии в периоды жизненных кризисов. Фундаментальные религиозные различия, как показывает история, были нередко причиной многочисленных войн и конфликтов. “Религия являлась центральной движущей силой, лежащей в основе активности отдельных людей, культур и государств, по меньшей мере с начала письменной человеческой истории, и, вероятно, намного раньше. Нет никаких оснований, что эта ситуация изменится в обозримом будущем” [38].

В то же время американские исследователи отмечают, что, несмотря на очевидную важность религии для отдельных людей и обществ, в американской психологии этой проблеме традиционно уделяется недостаточно внимания [31, 38]. Однако же исследования в области психологии религии проводятся, а их интенсивность и тематика в последние десятилетия постоянно расширяется [27].

Цель настоящей работы двуаспектна: во-первых, привлечь внимание отечественных психологов к данной проблеме и показать ее прикладную важность и значимость для решения практических задач, обозначив многофункциональность религиозных ориентаций в жизни личности и общества; во-вторых, рассмотреть имманентную

связь духовно-религиозных ценностных ориентаций с более глобальными процессами функционирования общества и государства – культурологическими, цивилизационными и, в частности, с системным кризисом российского общества, переживаемого в настоящий момент.

Несмотря на исключительную важность данной проблематики для решения духовно-нравственных проблем России, лишь в отдельных отраслях наук о человеке имеются публикации в ее русле, например, в области философии (в частности, монография Л.Н. Митрохина “Философия религии”, М., 1993), медицины, педагогики, и, в последнее время, в социологии. В отечественной психологии до недавнего времени в изучении психологии религии доминировала естественнонаучная ориентация, а философско-религиозные концепции рассматривались только в аспекте их борьбы и “поражений” с материализмом (например, [12]), – хотя много психологических проблем и идей, находящихся в центре внимания современной психологической науки (так, ряд вопросов проблемы личности, социальной справедливости, общения и конфликтов, психического здоровья и др.) были впервые выдвинуты и разрабатывались отечественными религиозно-философскими мыслителями и богословами. Опыт постановки и решения этих проблем имеет несомненную ценность для исследования теоретических и практических проблем современного человекознания.

В последнее время в этой области появляются работы, выполненные на стыке философии, социологии и психологии [2, 11], в которых подчеркивается актуальность и необходимость дальнейшего научного осмысления и анализа данной проблемы. В определенной мере духовно-нравственная, религиозно-философская проблематика затрону-

*Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 990600058а.

та в коллективных монографиях “Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории” [6] и “Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики” [9]. Имеется опыт использования идей отечественной духовно-нравственной религиозной традиции в практическом плане, в частности, в сфере психотерапии и духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения [1, 5, 13, 14]. Накоплены интересные идеи о связи психологии и христианства [7, 8]. Не претендуя на какой-либо систематический обзор исследований проблемы в отечественной социальной психологии, можно констатировать, что, несмотря на определенное оживление интереса академической психологии к духовно-религиозным проблемам общества, существует актуальная потребность и необходимость их расширения и интенсификации.

Это связано, в том числе, и с современными кризисными условиями жизни нашего общества, которые имеют и духовно-религиозную составляющую. Здесь уместно привести слова отечественного культуролога Н. Нарочницкой: “Цивилизации породили особые понятия чести и долга перед Богом и людьми, наполнили разным содержанием категории свободы, прав, этики взаимоотношений ..., дали свое толкование природы власти и государства, движущих сил истории. Все это явило разные системы права, нравственные основы экономической деятельности и мотиваций к труду и богатству, политические институты, свое понимание нации и Отечества. Продвижение своей системы ценностей, духовное овладение миром на основе своей картины мировой истории было и есть главной нематериальной движущей силой мировой истории. Нарушение баланса между крупными цивилизациями немедленно порождает импульс к духовной и иной экспансии...” (цит. по [10]). Указанную “духовную и иную экспансию” западной цивилизации мы в полной мере переживаем в настоящий момент.

Положение усугубляется тем, что около четырех поколений граждан нашей страны жило в условиях воинствующего атеизма и отвержения духовно-религиозных ценностей, связанных с тысячелетним бытием и самосознанием своей страны. Произошел в буквальном смысле глубокий разрыв с многовековой историей страны. Как отмечает известный отечественный историк, писатель и публицист В. Кожинов, крушение ценностей и идеалов социалистического пути развития страны “...для большинства людей означало “разочарование” в своем Отечестве, ибо не только молодые, но и старшие поколения не были кровно связаны с тысячелетним историческим бытием и самосознанием своей страны – бытием и самосознанием, которые по своей общечеловеческой ценности не уступают истории и культуре любой другой страны. В результате масса людей повери-

ла крикливым “идеологам”, утверждавшим, что Россия-де не принадлежит к странам “нормальным”, “цивилизованным”, “культурным” и т.п., и началась волна патологического низкопоклонства перед иными странами, у которых мы должны, так сказать, с нуля учиться и жить, и мыслить” [4, с. 228]. И дело вовсе не в том, что предлагается нечто “унизительное”, а в том, что действительно жить и мыслить можно только на почве собственной истории и культуры. Любое “заимствование” осуществимо лишь при условии, что оно вращается в наше бытие и сознание и тем самым неизбежно обретает новый смысл и значение. Об этом, в частности, свидетельствует и эволюция развития психологии религии в ее американском варианте.

ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Научный подход к изучению религии формируется в XIX в. – религия становится предметом исследования, опирающегося на эмпирический материал и использующего объективные методы; он основывается на принципе “методологического атеизма”, выводящего за рамки исследования вопрос об истинности или ложности существования предмета веры (Бога, богов, духов) и делающего упор на объективном анализе последствий религиозности человека, ее влияния на личную жизнь и жизнь общества.

В рамках научного религиоведения (конец XVIII–начало XIX вв.) выделяются: 1) сравнительно-исторические исследования религии как исторического феномена; 2) работы в области антропологии и этнологии, концентрирующие внимание на изучении этических норм и моральных представлений в различных религиях; 3) “социология религии”, главный предмет которой – социальная обусловленность религии, ее роль и социальные функции в жизни общества; 4) психологический подход, который оформляется в конце XIX в. главным образом благодаря работам В. Джемса и В. Вундта, а в дальнейшем Э. Дюркгейма и З. Фрейда [3].

Предметом психологии религии являются индивидуальные чувства, связанные с религией, обретением веры и воздействии религиозного опыта на поведение индивида и групп людей. Она также руководствуется принципом “отказа от ссылки на трансценденцию” или “методологическим атеизмом”: исследователь, признавая факт реальности религиозных представлений, выносит за скобки вопрос об их истинности, оставляя его теологии и философии.

Общий вектор исследований психологии религии как научной дисциплины – от психологии личности, поисков психологических корней религиозности в ее особенностях – к социально-психологическому анализу, направляющему основное

внимание исследователя на изучение социально-психологических механизмов религиозности и их последствий в жизни человека и общества.

ПРОБЛЕМАТИКА ИССЛЕДОВАНИЙ

Первая проблема, которая встает при анализе исследований психологии религии и различных аспектов благополучия (well-being) человека и общества, – факт исключительной сложности и широты самих категорий. Религия – это многомерное явление, изучающееся как на социологическом, так и на психологическом уровнях анализа в условиях многообразия способов концептуализации и эмпирического измерения. Поэтому теоретическая и особенно эмпирическая измеримость религии и благополучия неизменно находятся в фокусе внимания психологии религии [24]. Публикации по данной проблеме значительно различаются по уровню и глубине ее рассмотрения, общей ориентации и масштабу.

Другой вопрос касается функциональности-дисфункциональности религиозных (шире – духовных) убеждений человека, их влияния на развитие личности и общества. В этом контексте представляет особый интерес динамика взглядов американских психологов-религиоведов на данную проблему, начиная с упрощенного подхода к религии как неэффективному инструменту психологической защиты и до более взвешенного и реалистичного признания полифункциональности этого феномена.

ПРОБЛЕМА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ И ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИИ

Американские психологи-религиоведы отчетливо сознают факт многомерности и многофакторности категорий “религия” и “благополучие”. При этом, если некоторые ученые специально обращаются к рассмотрению вопросов концептуализации и измерения религиозности, то другие их явно не касаются, имплицитно принимая и разделяя общее понимание, сложившееся в этой области. То же самое можно сказать и о категории “благополучие”.

Определения религии. Предлагаемые исследователями определения религии можно разделить на два класса – содержательные и функциональные.

Первые исходят из того, что должна быть указана сущность, субстанция, то, что отличает религию от любого другого явления. Соответственно, религия понимается как вера в существо или существа, которые не воспринимаются обычными эмпирическими способами. Такого рода определения основываются на представлении о неразрывной связи религии с верой. И вопрос заключается в том, что является объектом этой веры.

Функциональные определения религии предпочитают искать ответ не на вопрос “Что она есть?”, а на вопрос “Как она действует?”, т.е. обращаются к изучению характерных черт религиозного поведения. В этом смысле религия определяется как деятельность, в которой вырабатывается основополагающий жизненный смысл, главная, руководящая мысль, лежащая в основе “организации” жизни человека или группы. Религия понимается как “набор символических форм и действий, которые соотносят человека с конечными условиями его существования” – рождением, смертью, жизненными трагедиями, бесконечностью универсума.

Различия в подходах не исключают возможности дать самое общее, приемлемое и с социологической, и с социально-психологической точек зрения определение, а точнее, описание того, что присуще религии и составляет ее отличительные признаки: верования, ритуалы, нравственные нормы и позиции, система символов и взгляд на мир.

Операционализация или измеримость религиозности в конкретной исследовательской практике. Существует много работ, использующих для измерения религиозности упрощенные индикаторы: количество посещений верующими храмов, молитвенных домов, культовых мероприятий; число индивидуальных молитв, совершаемых верующими вне коллективных обрядовых действий; ответы на простые вопросы – “Верующий ли Вы человек?” – и т.п.

Систематическая разработка проблемы эмпирического измерения религиозности связана с именем Г. Олпорта и его исследованиями личности. Он ввел понятие или конструкт “религиозная ориентация”, стремясь этой категорией описать ряд основных способов, посредством которых люди становятся религиозными, независимо от конкретного вероисповедания. Первоначально (1950 г.) Олпорт использовал два понятия: “внешней” (неразвитой) и “внутренней” (подлинной) религии и соответственно выделял два типа религиозности или религиозных ориентаций человека [15].

К первому он относил людей, для которых религия связана с самоудовлетворением, выступает лишь как способ достижения жизненных целей, внешних по отношению к самой религии, т.е. смысл и ценность религии определяется ими ее функциональной полезностью. Второй тип религии и религиозности выполняет интегративную функцию, формирует цельную моральную личность. Другими словами, для развитой религиозной личности религия – это самостоятельная, конечная, высшая ценность. С целью эмпирической оценки этих конструктов в 60-е гг. Олпортом и его коллегами были разработаны шкалы религиозной ориентации [16].

В последующих работах разграничение “внешнее–внутреннее”, выдвинутое Олпортом, было подвергнуто критике за отсутствие концептуальной ясности и противоречивость данных о взаимосвязи этих ориентаций. Хотя автор и утверждал полярность указанных типов, эмпирически они функционировали скорее как ортогональные. Кроме того, факторный анализ в ряде случаев обнаруживал более сложную (нежели двухфакторная) структуру. Несмотря на это, предложенная Олпортом операционально-измерительная основа до сегодняшнего времени остается наиболее влиятельной и перспективной в эмпирической психологии религии.

В дальнейшем на основе идей Г. Олпорта были разработаны модифицированные варианты шкал для измерения религиозности. В частности, К. Бэтсон в 1976 г. выделил три религиозные ориентации: религия как средство; религия как цель; религия как поиск [18]. На основе этой классификации им был разработан и предложен “опросник религиозной жизни”.

В настоящее время в американской прикладной исследовательской практике используется различный инструментарий для измерения параметров религиозности, хотя, по признанию американских ученых, все еще остается немало проблем, подлежащих дальнейшему развитию и совершенствованию.

Эмпирическая операционализация категории “благополучия”. Как показывает анализ литературы, не существует единственного определения благополучия, поскольку каждый исследователь, исходя из своих ориентаций, делает акцент на различных аспектах этого феномена. Так, одни авторы концентрируют внимание на вопросах, связанных с эффективным–неэффективным преодолением кризисных жизненных ситуаций; другие – на специальных социальных проблемах, таких, например, как грубое и противоправное обращение с детьми на религиозной почве, потребление табака, алкоголя и наркотиков, физическое и психическое здоровье и т.д. В соответствии с разными исследовательскими интересами происходит и эмпирическая операционализация тех или иных аспектов благополучия.

Например, при исследовании взаимосвязи религиозности с параметрами психического здоровья как одного из показателей благополучия человека и общества широко используется совокупность критериев психического здоровья, разработанная и предложенная одним из ведущих американских специалистов в области психологии религии – Л. Вентисом [43]. Разработанная им схема включает семь критериев: отсутствие психических заболеваний; приемлемое социальное поведение; свобода от беспокойства и чувства вины; уровень личностного контроля и компетентности; сте-

пень принятия себя и самореализации; унификация (объединение) и организация личности; открытость мышления и гибкость. Хотя до сих пор нет абсолютно согласованных и общепринятых критериев психического здоровья, выделенные Вентисом параметры достаточно полно охватывают рассматриваемое явление.

При проведении исследований больших контингентов населения, например, при анализе взаимосвязи “религия–социализация подрастающего поколения”, широко используются вопросники, включающие различные параметры благополучия: 1) просоциальные ценности и формы поведения (ценность оказания помощи другим людям, количество времени, потраченное на добровольное участие в общественных, благотворительных мероприятиях); 2) показатели психического здоровья (суицидальные намерения и попытки совершить самоубийство, самооценка); 3) индикаторы “рискованного” поведения (употребление алкоголя, табака и других вредных транквилизаторов, вовлеченность в различные формы отклоняющегося, насильственного поведения, ранние и добрачные сексуальные связи).

Проблема функциональности религии и религиозности человека. Эта проблема находилась в фокусе внимания исследователей, начиная с Фрейда, видевшего в религии неэффективный пассивный защитный механизм. Анализ доступной литературы, (например, [40]) позволяет утверждать, что религию нельзя рассматривать как простой механизм психологической защиты. Более правильно считать, что она служит достижению различных целей, реализуемых разными путями, некоторые из них соответствуют фрейдовским описаниям и характерны для ряда людей и ситуаций, другие – не соответствуют им.

По оценкам американских специалистов, религия может служить важным социальным ресурсом в обеспечении жизни как отдельных людей, так и общества в целом, в решении многих социальных проблем: воспитании подрастающего поколения, укреплении семейной жизни, в психотерапевтической практике, укреплении общественных отношений и др. Религия – надежный помощник человека в поисках смысла жизни. Эмпирические исследования согласованно подтверждают, что высокие уровни религиозной вовлеченности связаны с высокими показателями осмысленности человеком своей жизни. Участие в религиозной жизни дает человеку возможность избежать одиночества и отчуждения. Результаты исследований показывают, что религиозность подрастающего поколения способствует формированию просоциальных духовно-нравственных ориентаций и форм поведения молодежи, уменьшая, например, до 50% вероятность вступления в раннюю, добрачную половую жизнь сравнительно с

выборкой молодых людей светской жизненной ориентации [21].

Следует отметить, что психологи редко рассматривают религиозно-духовную мотивацию как уникальную и законную, имеющую право на самостоятельное существование. Стремление человека к поиску “священного”, “сакрального” обычно редуцируется до психологического, социального или физиологического процессов. Альтернативой такому редукционизму, подкрепленной рядом эмпирических исследований, является рассмотрение духовно-религиозной мотивации на основе анализа уникальной функции религиозности в жизни человека. Действительно, не каждый человек надеется на религию как на условие встречи с Богом, но подобные духовные цели могут существовать и сами по себе. Другими словами, если выйти за рамки упрощенного стереотипного взгляда на религиозную жизнь только в свете неэффективно-пассивной защитной перспективы Фрейда, то возникает потребность ее более дифференцированной функциональной оценки и понимания.

В данном обзоре нет возможности обсуждать весьма поучительные результаты прикладных исследований о взаимосвязи религиозности и различных аспектов благополучия–неблагополучия жизни человека и общества. Перечислим лишь наиболее характерные аспекты проблемы: религиозность и проблемы психического и физического здоровья человека и религиозная психотерапия; религиозные аспекты употребления транквилизаторов (алкоголя, табака и наркотиков) и лечения; религия и формирование духовно-нравственных ориентаций подрастающего поколения; религия как социальный ресурс благополучия жизни человека и общества. Ниже рассмотрим лишь один из аспектов обсуждаемой проблемы.

РЕЛИГИЯ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ РЕСУРС ОБЩЕСТВА: ПУТИ И СПОСОБЫ ПРЕДОХРАНЕНИЯ, ОЗДОРОВЛЕНИЯ И ГРУППОВОГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Американские специалисты убеждены, что религия, являясь широко распространенным и многофакторным явлением американской жизни, оказывает большое влияние на индивидуальное и групповое благополучие членов общества, реализуемое различными путями и в разных формах [21]. Например, около 40% всей добровольной и благотворительной деятельности в Америке осуществляется церковными организациями; религиозные объединения тратят ежегодно больше денег на коммунальные нужды (около 7 миллиардов долларов), чем корпорации (около 6 миллиардов) [23]. Религия как социальный феномен проявляет себя в личной и семейной жизни, внутри религиозных объединений и организаций, а так-

же в социальной активности, осуществляемой гражданами или нецерковными группами, имеющими религиозные ориентации.

Методы и механизмы религиозного влияния зависят от сферы применения: а) предохранения от негативных воздействий, б) оздоровления (реабилитации) и в) совершенствования группового функционирования. Однако, независимо от сферы применения, религия имеет уникальную возможность для положительного влияния, которое в ряде случаев может превосходить по своему масштабу воздействие социальных ресурсов нерелигиозного характера.

ПРЕДОХРАНИТЕЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ РЕЛИГИИ

В психологии раннее, первичное предохранение от деструктивных влияний относится к тем видам активности, которые уменьшают вероятность наступления расстройств, болезней или проблем у здоровых членов общества и групп, находящихся в ситуации риска. Превентивные виды активности в психологии адресуются к самому широкому спектру личностных (например, депрессия) и социетальных (например, насилие в молодежной среде) проблем. Более конкретно, хотя и условно, можно выделить три большие области стратегий влияния религии: 1) укрепление базовых защитных факторов внутри личности, таких, как способы преодоления стрессовых, проблемных ситуаций, самооценка, знания или ценности (или на языке социальной медицины – “групповые социальные прививки”); 2) увеличение осозанной социальной поддержки для лиц, переживающих глубокие жизненные кризисы и стрессы; 3) систематические усилия по изменению организационной или коммунальной среды жизни, направленные на уменьшение отрицательного влияния факторов риска и стрессоров. Обнаружено, что духовенство, как правило, рассматривает свою деятельность в сфере охранения как ориентированную на целостное, гармоничное развитие индивидов и семей, на обеспечение баланса духовных, личных и материальных аспектов жизни [17].

Факторы предохранения: дети и семья. Участие верующих в жизни религиозных организаций, по мнению американских специалистов, является постоянным и долговременным фактором, способствующим укреплению семейной жизни и, как следствие, порождающим предохранительные условия для подрастающего поколения. Действительно, в религиозных конфессиях, по крайней мере – традиционных, главный акцент делается на святости, безгрешности и важности семьи [34]. Обзоры эмпирической литературы обнаруживают положительную взаимосвязь между религиозностью и здоровой адаптацией в системе семейных отношений, крепостью семьи (уровнем удов-

летворенности семейными отношениями как между супругами, так и в отношениях между родителями и детьми) [26]. Таким образом, первым предохранительным механизмом здорового социального развития ребенка в детстве и в юности выступают более крепкие и здоровые межличностные отношения в семьях глубоко верующих родителей [20].

Второй механизм, с помощью которого религия может внести вклад в предохранение внутри самой религиозной организации – это предоставление жизнеспособной системы родительской поддержки (организация занятий для родителей, программы обогащения семьи, семейное консультирование священнослужителями) [42].

Третий механизм влияния религии на укрепление и развитие семьи и детей – это нормативные предписания для поведения и укрепления просоциальных ценностей, формирующих жизненный стиль личности. Исследования согласованно показывают, с одной стороны, инверсную взаимосвязь между степенью религиозности подрастающего поколения и различными проблемными видами поведения, такими как употребление спиртного, табака, наркотиков, отклоняющееся поведение, раннее вступление в половую жизнь, с другой стороны – положительную взаимосвязь религиозности подростков с параметрами личностного контроля [21].

Четвертым превентивным механизмом может быть научение (через внушение) религиозно обоснованным способам преодоления стрессовых ситуаций, помогающих ребенку “оставаться в норме” в периоды преодоления различных стрессов детства и направляющих подростка в период перехода от ранней юности к взрослой жизни. Такие ресурсы могут включать в себя убеждение в любящем и всемогущем Боге, охраняющем жизнь человека, соблюдающего Его заповеди; осознание смысла жизни, исходя из религиозной картины мира; переживание чувства контроля через молитвы и религиозные ритуалы.

Поддержка взрослых: религиозная практика. Религиозные организации оказывают помощь взрослым верующим людям в периоды их жизненных кризисов. Молитва, ритуалы, духовная поддержка (переживаемая как исходящая от Господа) и пастырское консультирование способствуют преодолению неконтролируемых жизненных стрессоров, таких, как смерть близких, тяжелые болезни, безработица и т.п., давая чувство надежды, смысла жизни и эмоционального катарсиса [29, 40]. Данные эмпирических исследований позволяют сделать вывод, что глубокие формы религиозности людей умеренно положительно связаны с благополучием жизни населения [43]. Но, как констатируют американские ученые, до настоящего времени недостаточно изучены спе-

цифические особенности религиозных организаций, способствующие формированию адаптивных форм преодоления стрессовых жизненных ситуаций, обеспечению функций предохранения и благополучия жизни.

Помимо влияния на своих адептов, религиозные организации направляют превентивные усилия и на общество в целом. Как показывают данные аналитических обзоров, около 90% религиозных организаций США имеют программы, ориентированные на удовлетворение коммунальных потребностей общества [23]. Большинство внешних социальных программ религиозных организаций ориентированы на детей и семьи, находящиеся в ситуации риска [37]. Социальная поддержка родителей, образовательные мероприятия для учащихся и студентов, экономическая помощь бедным семьям могут оказывать предохранительный эффект кратковременного и длительного характера посредством уменьшения стресса, укрепления стабильности семьи, повышения компетентности, укрепления просоциальных ценностей.

Поддержка взрослых: акцент на проблемах здоровья. Оздоровительные программы включают: организацию добровольных благотворительных ярмарок-выставок, распространяющих информацию по проблемам здоровья; проведение просветительных мероприятий по болезни века – СПИДу; осуществление различных видов медицинской диагностики для населения на добровольной основе; открытие специальных клиник для контроля за весом тела человека или прекращения курения. Многие программы осуществляются в сотрудничестве с медицинскими структурами и используют современные профилактические методы и модели [30].

Системное изменение: развитие и оздоровление общинной жизни. Религиозные организации, особенно расположенные в городских условиях, проявляют обоснованный интерес к оздоровлению окружающей среды обитания общины и населения в целом. Эта форма религиозного влияния имеет потенциальный предохранительный эффект: уменьшение стрессовых ситуаций в жизни общины, связанных с разрушением и упадком городских инфраструктур; укрепление поддерживающих ресурсов в окружающей социальной среде. В целом, американские психологи обозначают возможные пути практического сотрудничества психологии и религии в сфере профилактической активности: сотрудничество с религиозными лидерами в развитии и адаптации конкретных превентивных стратегий воздействия; организационное консультирование религиозных объединений с целью совершенствования их умений и навыков в реализации целей, имеющих прямой предохранительный эффект [32, 39]).

РЕАБИЛИТАЦИОННАЯ ФУНКЦИЯ РЕЛИГИИ

Реабилитационные виды социальной деятельности ориентированы на восстановление человека после перенесения им стрессогенных травмирующих влияний. Многие сферы профессиональной психологии (клинической, консультационной, реабилитационной) предлагают различные теории и стратегии воздействия на психоэмоциональную сферу индивидов с поведенческими, психологическими или физическими проблемами. Обнаружено и выделено много общего между тем, что происходит в обычной терапии, и тем, что наблюдается при излечении или оздоровлении на религиозной основе, как внутри, так и вне религиозных организаций. Данные исследований показывают, что и высокорелигиозные люди, и новообращенные демонстрируют уменьшение уровня страданий и улучшение своего психологического благополучия, успешнее преодолевают посттравматические состояния [29].

Духовно ориентированная психотерапия. Специалисты-практики, использующие религиозность и духовность как компонент своей работы, представляют широкий круг специалистов. Лица, обращающиеся за помощью к религиозно ориентированным психотерапевтам, консультантам-священнослужителям и духовным целителям, по-видимому, проявляют такой же спектр физических, поведенческих и психоэмоциональных проблем и трудностей, как и пациенты в рамках обычной терапии. Причинами, побуждающими их к этому, могут быть их собственная религиозность, или взгляд на духовную терапию как на крайнее средство, последнюю надежду.

Приемы и методы духовно направленной помощи зависят от теоретических и духовно-религиозных ориентаций терапевта и клиента [35]. Работ, сравнивающих формы оказания помощи и эффективность деятельности религиозно и светски ориентированных терапевтов, очень мало. Те же немногие данные, которыми располагает наука, свидетельствуют либо об отсутствии значимых различий между ними, либо о преимуществе религиозно ориентированной психотерапии [43].

Группы взаимной поддержки. Группы взаимной поддержки, делающие акцент на религиозно-духовных аспектах исцеления, являются действенной формой использования религии для реабилитации и исцеления населения. Наиболее известными и широко распространенными являются группы, использующие известную методику "12 шагов" для разрешения проблем, связанных с употреблением транквилизаторов или принудительным лечением, включая объединения анонимных алкоголиков (АА-группы). Программа опирается на "высшую духовную силу" и ориентируется в своей реализации на "исследование"

пациентами своего "морального инвентаря" – системы духовно-нравственных ценностей [25]. Мета-анализ показывает, что участие в группах АА умеренно положительно коррелирует со снижением чрезмерного употребления алкоголя и с улучшением общего психологического функционирования [22].

Социальная и религиозная ориентация. Программы религиозных организаций часто направлены на оказание помощи людям, находящимся в ситуации риска (алкоголики, заключенные, бездомные и т.п.), т.е. имеют непосредственную социальную ориентацию – реабилитацию людей, переживающих жизненные затруднения, неприятности и страдания. Один из таких проектов федерального уровня – программа "Одна церковь – один наркоман", получившая с 1995 г. правительственную поддержку Национального Агентства по проведению политики контроля за наркотиками (US Office of National Drug Control Policy) [24]. Согласно этому проекту, каждая действующая церковь получала право формировать комитет или комиссию, члены которой получали основательную подготовку по вопросам последствий употребления наркотиков и методам лечения. Затем комитет брал под опеку одного или нескольких наркоманов и оказывал им различные виды помощи – в сфере профессиональной подготовки, консультирования, организации медицинского лечения, духовного утешения, посредничества в решении семейных и профессиональных проблем.

РЕЛИГИЯ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ РЕСУРС СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ГРУППОВОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Под совершенствованием группового функционирования понимаются целенаправленные усилия по укреплению возможностей и ресурсов групп, занимающих в структуре общества дискриминированное положение по тем или иным аспектам жизни. Совершенствование группы, лишенной каких-либо гражданских прав и привилегий, ведущее к укреплению ее психологического, материального или политического потенциала, может осуществляться через действие и изменение следующих факторов: 1) групповой системы убеждений и ценностей; 2) ролевой структуры группы; 3) системы групповой поддержки; 4) соответствующих форм группового лидерства [33].

В психологии подходы и стратегии к решению проблем группового совершенствования обычно включают: создание соответствующей социальной среды, в которой ущемленные в тех или иных правах и привилегиях группы могли бы укрепиться и улучшить свое нормальное функционирование; изменение форм организованного группового поведения, стимулирующего дискриминируе-

мые группы использовать “коллективную” силу и различные тактики в защиту своих групповых интересов (от петиций до актов гражданского неповиновения); активность, направленную на изменение социальной политики властей (использование различных форм лоббирования для внесения изменений в законы, ограничивающие доступ дискриминированных групп к социальным ресурсам общества). При этом необходимо подчеркнуть, что на ориентации американских психологов при обсуждении и изучении проблем “группового совершенствования” накладывает сильный отпечаток общая культурно-психологическая атмосфера американского общества (обычно признаваемого “образцом демократии, гуманизма и плюрализма”), обусловленная индивидуалистическим типом культуры. Идеиные ценности такой культуры с фетишизацией идеи прав и свобод отдельного индивида и юридически-правовым пониманием “плюрализма мнений” объективно обуславливают заикленность американских исследователей на проблеме прав и свобод различных меньшинств без какого-либо соотнесения и обсуждения их социальной роли в обществе. При этом из поля зрения упускаются вопросы здорового духовно-нравственного функционирования общества в целом. Например, считается положительным явлением образование новых, альтернативных традиционным конфессиям, религиозных организаций и культов как своеобразного социального ресурса группового совершенствования дискриминируемых (по американским стандартам) групп.

Существует мнение, что возникновение и развитие новых религиозных групп, сект и движений – реакция на их подавление со стороны традиционных религиозных конфессий, на высокий уровень предубежденности со стороны некоторых религиозных фундаменталистов [28]. При этом, с одной стороны, совершенно не учитывается или, по крайней мере, не обсуждается вопрос о принципиальном различии религиозного и секуляризированного понимания феномена предубеждения, с другой – фактически не дается никакой моральной и нравственной оценки отрицательным последствиям деятельности многих тоталитарных сект, духовных культов и движений, включая “церковь сатаны”, для здорового духовно-нравственного функционирования общества. В качестве обоснования потенциальных социальных возможностей религии американские психологи часто отмечают образование и деятельность независимой Африканской Церкви Америки, решающей задачи общинного совершенствования и социального изменения цветного населения Америки [36].

К числу современных примеров относятся: возникновение движения “Теология освобождения” в Латинской Америке и феминистского ре-

лигиозного движения в США. “Теология освобождения” – это католическое религиозное течение, возникшее на базе тотальной бедности коренного населения Латинской Америки. Оно привело к возникновению нового постулата в богословии католической церкви Латинской Америки: спасение в мире может быть достигнуто лишь на пути освобождения бедных от подавления и обеспечения их социальной, экономической и политической поддержки; властью как в самой церкви, так и в обществе. Известным примером, получившим большой резонанс в американском обществе, явилось пастырское обращение американских католических епископов “Экономическая справедливость для всех: католическое социальное научение и экономика США”. В нем содержался призыв к обществу обсудить этические аспекты американской экономической жизни. Дискуссия, как надеялись епископы, приведет к “новому моральному видению”, основанному на таких принципах, как человеческое достоинство, солидарность, справедливость, сотрудничество [19].

В настоящем обзоре акцент был сделан, главным образом, на положительном потенциале религии как социальном ресурсе американского общества, и на том, как эта проблема оценивается американскими психологами. Но, как отмечается в ряде работ, многие проблемы, возникающие в связи с религиозной системой ценностей людей, могут оказывать и негативное, зачастую разрушительное воздействие на жизнь, здоровье и благополучие людей. В частности, широко обсуждаются проблемы отказа от медицинской помощи по религиозным основаниям; жестокого обращения с детьми; сексуальных притязаний взрослых на религиозной почве. Подобные примеры негативного влияния религиозности человека на его благополучие более характерны для религиозных организаций сектантского и тоталитарного толка, чем для традиционных конфессий. Поэтому вполне объяснима и оправдана, с точки зрения обеспечения благополучия и здоровья человека, – как физического, так и психического, охранно-защитная деятельность традиционных конфессий, направленная против тоталитарных сект. И эту деятельность нельзя рассматривать в абстрактном плане, с позиций “чистого” равенства религиозных организаций, лишь на основе принципа свободы совести и в отрыве от разрушительных последствий действия этих сект на благополучие человека и общества.

Особенно важно подчеркнуть значение призыва психологов США к необходимости исследования природы и способов религиозного влияния в разных обществах и культурах, отличных друг от друга. Он, как представляется, весьма актуален и напрямую адресуется и к отечественным психологам. Вместе с тем, американские специалисты при проведении психологических исследо-

ваний в сфере религии отмечают важность соблюдения особой осторожности и уважения уникальной значимости религиозных представлений для верующих людей и осознания того, что собственная система ценностей психолога-исследователя может сильно влиять на результаты исследований, зачастую не в положительном направлении.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Религиозная ситуация в нашей стране кардинально отличается от существующей в Америке, однако опыт, накопленный американскими психологами, несмотря на его прагматически-утилитарную направленность и иной культурный контекст, полезен. Он однозначно свидетельствует о больших возможностях и перспективах использования духовно-нравственных, религиозных ориентаций человека в решении многих практических проблем жизни современного российского общества.

Поэтому знакомство отечественных психологов с американской практикой исследований проблемы религиозности представляется актуальным. Осмысление зарубежного опыта поможет отечественным психологам в выработке и концептуализации собственных методологических и конкретно-исследовательских подходов в рамках психологии религии как важного и перспективно-го направления психологии.

В частности, принцип методологического анализа может быть взят за основу организации исследований; подходы и наработки по вопросам операционализации и измерения религиозных переменных могут быть использованы для концептуализации и разработки методических процедур с учетом отечественной специфики.

Мы проживаем тяжелую ситуацию с состоянием духовно-нравственного, в том числе, религиозного сознания в нашей стране. С одной стороны, несмотря на видимое возрождение традиционных для России религиозных конфессий – Православия и Ислама – в подавляющей массе население страны продолжает оставаться “атеизированным”, “религиозно безграмотным”. С другой – мы являемся свидетелями духовной экспансии невиданной силы и масштаба со стороны конфессий и религиозных объединений, не традиционных для наших культурно-исторических традиций. В полную силу стоит задача восстановления духовного единства с историей своей страны, равно как и охранения ее населения от разрушительного влияния тоталитарных сект, которым дана полная свобода деятельности. Именно этими системными причинами обуславливается актуальность и необходимость изучения проблем религии в отечественной психологии в существующих в на-

шей стране социально-историческом, политико-экономическом и духовном контекстах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдеев Д.А., Невярович В.К. Нервность: ее духовные причины и проявления. М., 1999.
2. Братусь Б.С. Психология, нравственность, культура. М., 1994.
3. Гараджа В.Н. Религиоведение. М., 1995.
4. Кожин В. Загадочные страницы истории XX века // Наш современник. № 11. 1999. С. 210–229.
5. Ничипоров Б.В. Введение в христианскую психологию. М., 1994.
6. Психологическая наука в XX столетии: проблемы теории и истории / Под. ред. Брушлинского А.В. М., 1997.
7. Психология и христианство: путь интеграции. М., 1995.
8. Реан А.А. Агрессия и агрессивность личности // Психол. журн. Т. 17. № 5. С. 3–18.
9. Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики / Под. ред. Абульхановой К.А., Брушлинского А.В., Володиной М.И. М., 1998.
10. Соснин В.А. Культурно-психологическая основа современного кризиса российского общества // Психол. журн. Т. 19. 1998. С. 165–169.
11. Столяров Н.Н. Место и роль христианской этики в формировании духовно-ценностных ориентаций молодежи: Дисс. ... канд. филос. наук. М., 1996.
12. Угринович Д.М. Психология религии. М., 1986.
13. Флоренская Т.А. Мир дому твоему. М., 1999.
14. Церковь, дети и современный мир. СПб., 1997.
15. Allport G.W. The Individual and his religion. N.Y., 1950.
16. Allport G.W., Ross J.M. Personal religious orientation and prejudice // J. of Personality and Social psychology. 1967. № 5. P. 432–443.
17. Anderson R.W., Jr., Maton K.I., Ensor B.E. Prevention theory and action from the religious perspective // Prevention in Human Service. 1991. № 10. P. 9–27.
18. Batson C.D. Religion as prosocial: agent or double agent? // J. of the Scientific Study of Religion. 1976. № 15. P. 29–45.
19. Batson C.D., Schoenrade P., Ventis W.L. Religion and the Individual. N.Y., 1993.
20. Coleman J.A. A new Catholic voice on social issues / Eds. R.M. Brown, S.T. Brown // A cry for justice: The churches speak. N.Y., 1989.
21. D'Antonio W.V., Newman W.M., Wright S.A. Religion and family life: How social scientists view the relationships // J. for the Scientific Study of Religion. 1982. № 21. P. 218–225.
22. Donahue M.J., Benson P.L. Religion and the Well-Being of Adolescents // J. of Social Issues. 1995. V. 51. № 2. P. 145–160.
23. Emric et al. Alcoholics anonymous: What is currently known? / Eds. B.S. McCrady and W.R. Miller // Re-

- search on Alcoholics Anonymous: Opportunities and alternatives. Brunswick: N.Y., 1993. P. 41–78.
24. Goldstein L. Put kindness into public policy, coalitions urge // Washington Post. June 10. 1993.
 25. Gorsuch R.L. Measurement: The boon and bane of investigating religion // American Psychologist. 1984. № 39. P. 228–236.
 26. Gorsuch R.L. Religious Aspects of Substance Abuse and Recovery // J. of Social Issues. 1995. V. 51. № 2. P. 65–84.
 27. Hansen G. Religion and marital adjustment / Ed. J.E. Schumaker // Religion and mental health. N.Y., 1992. P. 189–198.
 28. Hood R.W.Jr., Spilka B., Hunsberger B., Dorsuch R. The psychology of religion: An empirical approach (2nd ed.). N.Y., 1997.
 29. Hunsberger B. Religion and Prejudice: The Role of Religious Fundamentalism, Quest and Right-Wing Authoritarianism // J. of Social Issues. 1995. V. 51. № 2. P. 113–129.
 30. Jacobs J.L. Religious ritual and mental health // Ed. J.F. Schumaker // Religion and mental health. N.Y., 1992. P. 291–299.
 31. Lasater T.M. et al. Religious organisations and large-scale health related lifestyle change programs // J. of Health Education. 1991. № 22. P. 233–239.
 32. Lehr E., Spilka B. Religion in the introductory psychology textbooks: A comparison of three decades // J. of the Scientific Study of Religion. 1989. № 28. P. 366–371.
 33. Malony H.N. Congregational consultation // Prevention in Humane Service. 1991. № 10. P. 107–122.
 34. Maton K.I., Salem D.A. Organizational characteristics of empowering community settings: A multiple case study approach // American J. of Community Psychology. 1995. № 23.
 35. McAdoo H., Crawford V. The black church and family support programs // Prevention in Human Service. 1991. № 9. P. 193–203.
 36. Miller W.R., Martin J.E. (Eds.). Behavior therapy and religion: Integrating spiritual and behavioral approaches to change. Nembury Park, CA, 1988.
 37. Moore T. The African American Church: A source of empowerment, mutual help, and social change // Prevention in Human Service. 1991. № 10. P. 147–168.
 38. National Council of Churches of Christ in the USA and National Center for Children in Poverty. N.Y., 1991.
 39. Paloutzian R.F., Kirkpatrick L.A. Introduction: The Scope of Religious Influences on Personal and Societal Well-Being // J. of Social Issues. 1995. V. 51. № 2. P. 1–11.
 40. Pargament K.I. et al. Consultation with churches and synagogues // P. Keller (Ed.), Innovations in clinical practice: A source book. Sarasota, FL, 1988. V. 7. P. 393–406.
 41. Pargament K.I., Park C.L. Merely a Defence? The Variety of Religious Means and Ends // J. of Social Issues. 1995. V. 51. № 2. P. 13–22.
 42. Pargament K.I., Maton K.I. Religion in American life: A community psychology perspective / Eds. E. Seidman, J. Rappoport // Handbook of community psychology. N.Y., 1997.
 43. Strayhorn J.M., Weidman C.S., Larson D. A measure of religiousness, and its relation to parent and child mental health variables // J. of Community Psychology. 1990. № 18. P. 34–43.
 44. Ventis W.L. The Relationships Between Religion and Mental Health // J. of Social Issues. 1995. V. 51. № 2. P. 33–48.

PSYCHOLOGY OF RELIGION: AMERICAN EXPERIENCE

V. A. Sosnin

Cand. sci. (psychology), sen. res. ass., IP RAS, Moscow

Short review of state of psychology of religion in American social psychology was made. There were considered conceptual-methodological, theoretical-methodological and applied problems including principle of methodological atheism in research organization, problems of definition of terms “religion” and “well-being”, functions of religion for person and society, and questions of operationalization and measurement. The main spheres of applied researches were noted. Some presumptions concerning possibility of foreign experience of research organization in Russian social psychology were made.

Key words: religion, persuasions, well-being, moral orientations, social functions of religion.